

Екатерина Самохина

*Записки
чёрной
кошки...*

сборник рассказов

Екатерина Самохина
Записки чёрной кошки...
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42542068
ISBN 9785449673275

Аннотация

Уважаемые читатели, вашему вниманию предоставляется сборник рассказов разных жанров. От любовного до мистического. Надеюсь, вы сможете найти произведение по душе. Желаю вам приятного прочтения. С любовью. Ваша Кэт.

Содержание

Трилистник	5
Сон в начале тумана	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Записки чёрной кошки...

Сборник рассказов

Екатерина Самохина

© Екатерина Самохина, 2019

ISBN 978-5-4496-7327-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трилистник

Один, два, три... ещё девять ударов и начнётся...

Узкая улочка, ведущая к главной площади, извиваясь и петляя среди домов, таяла в серой дымке тумана.

Ни души.

Сейчас эта фраза казалась куда более значимой.

Ни души.

Плотно закрытые ставни и собственные шаги, лишь изредка совпадающие со стуком сердца.

Три источника звука: Часы на Ратуше, шаги и сердечный стук – чудовищная какофония, поглощенная туманом.

Одиннадцать. Стоп. Провал...

– Тише, тише. Опять страшный сон?

– Ты хотела сказать, тот же самый страшный сон?

– Давай, вставай, Соня – соня! Службу проспишь.

И не увидишь своего принца.

– Масло масляное! Зловредная Ника!

– Блаженная София премудрая!

Подруга скорчила смешную рожицу и устремила взгляд в потолок, демонстративно сложив ладони.

– Так? Так, ты там стоишь? Или нет, ты испепеляешь любовным взглядом чью-то спину. Интересно, ему хотя бы икается?

– Ну, все! Держись!

Соня, стянула свои светлые волосы в хвост и изобразила вождя племени Майори, танцующего Хаку. Пыл охладил подушка, прилетевшая с другой стороны комнаты, сменив решительность на недоумение. Комната университетского общежития залилась девичьим смехом.

– Позорище! Больше никогда не возьму тебя с собой!

– Да ладно! Ну, подумаешь, чуть пошептались. Хотя, я шептала, а ты, моя дорогая, зловеще цыкала! И как таких фурий в церковь пускают? Тебе не жжёт, вот здесь?

Ника указала на пятки, но по взгляду подруги поняла, что шутка не удалась. Оставшуюся часть пути от Храма подруги прошли молча, каждая в своих мыслях.

– Соф, ну ладно тебе. Зато видела, как он на тебя смотрел. Между вами прям магия. Тьфу! Прости, совсем забыла, про таких как он такое не говорят. Ну, хочешь, я вернусь и извинюсь?

– Ник, собирай вещи молча. Мы столько ждали эту поездку... я ждала.

– Ну, ещё бы! Я, между прочим, тоже была в деканате и видела списки. Твой Дин числится аккуратно под 7 номером, и тут отличился, святоша.

Ника засмеялась и толкнула подругу плечом.

– Что скажешь, номер 13, мир?

– Да, мир, мир! 24ая.

– О, так ты тоже заглядывала в списки!? Колбасу резать, – доносилось уже из коридора.

– Можешь накусаааать!

– Ну, Слава Богу, отошла.

Оставшуюся часть вечера Ника носилась по комнате, пытаясь впихнуть в чемодан практически весь свой гардероб. И очень удивлялась, почему Соня не поступает также.

– Хотя бы утюжок закинь в свой пафосно мизерный рюкзак.

– Зачем? Мы же весь день проведём на экскурсиях.

– То день! Что там вечера не будет? Ты в джинсах пойдёшь в ресторан? И не говори мне, что это исключено. Тебе давно пора развеяться. Ты не забыла? Я...

– Помню, помню! Ты таскаешься со мной по развалинам,

я сопровождаю тебя в барах.

– Умница! Мы с тобой идеальная пара. Жгучая брюнетка с карими глазами...

Соня оборвала рассуждения Ники: И серая мышь с разноцветными, – и ехидно усмехнулась.

– Тебя б подкрасить, да волосы распустить. Эх!

– Не начинай только. У меня зачетная фигура, я красивая и я сама не знаю себе цену, так?

– Хренак! Я сказала выучить это как мантру, а не как инструкцию к туалетной бумаге. Без четверти восемь, кстати. Пора.

Экскурсионная группа из студентов оживленно размещалась в автобусе. И даже, только что начавшийся дождик, казалось, не портил ничьё настроение.

– Только посмотри на этих любителей старины, – щебетала Ника. Пожалуй, даже скажу тебе спасибо, что втянула меня в эту авантюру.

– Рассаживайтесь по местам, – строго прозвучал голос Мистера Патча. И в автобусе воцарилось относительное спокойствие.

– О, Пупс негодует. Всем спать, – послышалось откуда-то сзади и разнеслось хихиканьем.

– Наш рыцарь печального образа принялся за меч и орало, – съязвила Ника и закрутила головой. Куда ж мы без

няньки? Кстати, посмотри на эту прелесть. Посмотри, кто сидит сзади!

Соня обернулась и застыла, поймав на себе взгляд Дина.

– Бинго! Не все ж тебе ему спину дырявить на парах и службах. Вот пусть для разнообразия посмотрит на твою.

– Тише, ты как иерихонская труба.

– Какая?

– Никакая! Соня вставила наушники и отвернулась к окну. Мимо проносились дома, деревья, поля. В логах поднимался туман и становился все гуще...

Туман становился все гуще, кровь пульсировала в висках.
Двенадцать!

Ещё шаг.

Площадь.

Стрелки часов сравнялись и замерли на секунду. Сердце уловило последний удар и тоже замерло.

Секунда равная вечности.

На противоположной стороне появилась темная фигура. Она двигалась не спеша, словно пробуя на вкус эту вечность.

Туман рассеивался, и очертания становились более четкими.

Мужчина в чёрном плаще и капюшоне.

Лицо скрыто, только глаза. Глаза, горящие огнём.

Огонь! Душно. Огонь!...

– Эй! Соф, Подъем! Да, хорош так смотреть! Забылся человек. Песня просто огонь, – объясняла Ника рыжему Тому, сидящему спереди, когда тот в недоумении пялился на Сою. Давай! Наушники в уши и баиньки, а то Бабай придёт или серенький волчок. Того и гляди, не поделят тебя. Иии... ам!

Ника щелкнула парню по носу и сделала жест, означающий ПРОВАЛИВАЙ, ПОКА ЦЕЛ. Наклонилась к подруге и прошептала:

– Сонь, ты как? Ну, ты мать даёшь! Огонь? Это что-то новенькое. Впервые за три года.

– Впервые за мои 19 лет.

– Ну-ка, поподробнее. Что-то изменилось?

– Всё! Полночь случилась, понимаешь?!

– Ого! У сна появилось продолжение?

– Спасибо, что прикрыла.

– Это хорошо, что ты пол автобуса не перебудила своими криками. А, вообще, скажи спасибо своему плэйБлинбою, он кричал громче и на тарабарском. Так и буду теперь его называть. Тесматос хренов!

– Дин?

– Нет, блин, папа Римский. Давай ка кофею жажнем.

Спать нам здесь нельзя. И я все ещё сгораю от нетерпения, что ты там такое увидела...

Соня повернулась назад и снова встретилась с медовыми глазами. Только взгляд был напуганным и растерянным. Спасибо, – услышала она в ответ, залилась румянцем и угнула.

– Дура, блин!

– Ты о ком?

– О себе естественно. Я ему подмигнула, и он сказал спасибо.

– Мать Божья, если завтра ты скажешь ему привет, я укушу себя за локоть. Такой прогресс за три года. Нет, я определённо правильно согласилась на эту поездку. Бутербродик смелой даме?

Ника засмеялась, и Соне ничего не оставалось делать, как поддержать подругу широкой улыбкой.

Ночь прошла сумбурно, будильник трещал в наушниках каждые пол часа, чтобы глубокий сон не повторился. Тем не менее, поспать удалось и даже получить удовольствие от первых солнечных лучей, пробивающихся сквозь стекло.

Пара стандартных остановок и нескучная лекция Мистера Патча о правилах поведения разрядили обстановку и ночные события стали казаться совсем далекими.

За окнами замелькали маленькие домики, и через час автобус доставил всю группу к месту назначения.

– Заселяемся, распаковываемся, приводим себя в человеческий вид и спускаемся завтракать! – командовал Пупс. Мальчики отдельно, девочки отдельно!

– А с девочками нельзя?

– Ален, тебе и с мальчиками нельзя!...

Гостиница старого города оказалась весьма уютной. А булыжная мостовая и вовсе привела Сою в неопиcуемый восторг.

– Ты только посмотри, какая древность. Только представь, что именно по этим камням ступали ноги людей, живших несколько веков назад. Ну, разве не прелесть?

– Угу.

– Угу? И все эмоции? Совсем не цепляет или это каблук поджимают чувства?

– Глянь ка, мы поменялись местами! Благочестивая София словила кусочек распущенности. Это на тебя так экскурсия влияет или глаза цвета мёда?

– Язва!

– Взаимно!

– Так ты расскажешь мне о том, что видела во сне?, – уже

в номере спросила Ника, ложась на кровать и растирая намятые туфлями ноги. Ой, как больно! Соня, ты меня слышишь?...

– Ты меня слышишь? Только не убегай далеко и не пачкайся! Скоро вернётся твой отец и мы пойдём на площадь. День Святого Патрика. Помнишь?

– Хорошо, мамочка.

Мать погладила своё дитя по голове и улыбнулась. Девчушка лет пяти сморщила нос и поправила золотистый локон, выбившейся из под чепчика. Народ стекался к площади. Мимо проходили мужчины и женщины.

– Целых много ног и ни одной головы, – произнесла девочка прежде, чем отец поднял дочку на руки, поцеловал малышку в щечку и ловко закинул её к себе на плечи.

– Теперь ты увидишь, все что захочешь.

– И звезды?

– А, что утром видны звезды?

– Ангелы же видны!

– Ты мой маленький ангел.

– Папочка, смотри, окна поплыли.

Но папа почему-то не ответил, а только громко засмеялся: Держись, воробушек!

На площади было многолюдно, но скучно. Смотреть на дяденьку, который говорил непонятные вещи ещё и неинтересно. Куда интереснее были проплывающие облака в ви-

де причудливых зверушек.

– Голова закружится! – донеслось откуда-то издалека. А то и вовсе оторвётся, – не унимался голос.

Опустив то, что могло оторваться, вниз, девочка спросила: Вы кто?

– Я Доран, а ты?

– Рада познакомиться, Доран. Я Сибил. Папочка, опусти меня вниз.

Оказавшись на земле Сибил заговорила: Какие у тебя интересные глаза. Как мёд с цветочных лугов тети Лайл.

– Кто бы говорил про странности, – огрызнулся мальчишка. Ты свои то видела?

– Мама говорит, что один мне достался от неба, другой от земли.

– Не обижайся, Сиб. Дай ка, я еще раз взгляну. И правда, один как серое небо над нами, зато другой, точно, как у меня.

И медовые глаза заулыбались...

– Соф, а ты опять разговаривала во сне. Но на этот раз бредила своим принцем.

– С чего ты взяла? – с улыбкой спросила девушка, потягиваясь ото сна.

– Медовые глаза!

– Ой!

– Что, ой?

– Глаза...

– Так, до вечера ещё рот разинешь. Давай ка, рассказывай все по порядку...

– И что, они подружились, Доран и Сибил?

– Ещё как! А когда тринадцатилетнему мальчишке, работающему на скотном дворе, не без участия отца Сибил, выпала редкостная удача получить монастырское образование, она сделала ему свой первый подарок...

– Постой-ка, он стал священником?

– Во всяком случае, он этого желал и желал сильнее, чем чего-либо ещё.

– А, подарок то! Что это было?

– Закрой глаза! Я не шучу, – ворчала Сиб, когда Доран попытался всячески нарушить её указание. Протяни ладонь! Открывай!

– Ух, ты! Мне никто и никогда...

– Я знаю. И теперь у тебя всегда будет частичка меня, даже если меня не будет рядом.

На ладони мальчика лежал маленький листочек клевера в застывшей смоле.

– Сиб, точно как твоё родимое пятно. Ты мой самый – пресамый лучший друг!

С этими словами Доран неуклюже сдвинул её в объятия.

– И не смей никуда деваться, поняла? Сибил засмеялась и чмокнула мальчика в щеку.

– Фу, эти ваши девчоночьи дела! Бежим ко мне! Маме удалось выручить небольшую сумму за помощь толстому Гральду. И вот что! Достоприпочтенная Леди, – произнёс Доран и поклонился ещё более неуклюже, чем выразился. Приглашаю вас на праздничный пирог.

Сибил захлопала в ладоши и устремилась вдаль. – Поймай, если сможешь, недотёпа!

Какой чудесный день, подумал Доран. Отцу она бы понравилась! – и с грустью посмотрел в небеса.

И только вечером, достав бесценный подарок, он приложил его к щеке, замер от расплывающегося тепла и произнёс: Ты всегда в моем сердце, Сиб...

Это был последний день его рождения, который они праздновали вместе. Последний, перед отъездом и учебой в монастыре. Последний из тех долгих семи лет, где каждый вечер вдалеке друг от друга, она желала ему спокойной ночи

и целовала в щеку, а он прижимая к щеке часть её души, говорил: Ты всегда со мной. Но так и не решился произнести одно единственное слово вслух...

– Я сейчас расплачусь, но нам пора подумать о твоём сердце. Живо собирайся! Через полчаса нас ждут в баре. Разведка донесла, что Дин тоже будет. Возражения не принимаются!

В баре было шумно и душно. Музыка давила на виски, а выпитое вино на сознание.

– Пойду, подышу воздухом, – прокричала Соня танцующей подруге и направилась к выходу.

– Тоже не по себе в таких местах? – слышалось за спиной.

– Да, нет. Нормально. Просто душно. Хотя, если честно, не совсем мое.

– Может, прогуляемся?

– Было бы неплохо.

– Тогда, вашу руку, мадам...

И сердце... – подумала Соня и улыбнулась.

Они держались за руки и болтали обо всем на свете, как будто знали друг друга сотни лет.

– Может, расскажешь, почему решила стать доктором?

– Абсолютно скучная история. Соня замялась, но скрывать не стала. – Понимаешь, меня считают странной.

– Серьезно? А я-то думал, что странности это моя фишка!

А кто, кто считает?

– Я!

– Что-то новенькое. Поделишься? И глаза заулыбались.

– Понимаешь, мне снятся странные сны. Точнее один и тот же сон. Точнее снился один и тот же сон, до вчерашнего вечера. Раньше я видела его редко, а последние три года он стал моей паранойей.

– А что случилось вчера?

– Вчера я увидела продолжение. Не знаю уж, радоваться или плакать. Вот, видишь, теперь и ты нахмурился. Прости, я не хотела тебя напугать. Взгляни-ка, лучше, какая площадь интересная.

– Как во сне..., – задумчиво произнёс Дин.

– В смысле, ты всё-таки слышал меня в автобусе? А Ника сказа... Софа не успела договорить фразу, нога соскользнула с влажного от капель дождя булыжника и в считанные секунды девушка оказалась в горизонтальном положении на мостовой.

– Не больно ударилась? И крепкие руки помогли подняться.

– До свадьбы заживет, но синяк мне кажется обеспечен!
Ой! Соня с досадой потёрла бедро. – Пойдём отсюда!

В этот момент раздался звонок мобильного, и на экране высветилось родное лицо Ники, изображающее странную гримасу. – Да! Нет. Чтоооо? Ник, пожалуйста. Это не смешно! Вот, зараза!

– Что случилось?

– Наши, с позволения сказать, друзья, – Соня мысленно чертыхнулась в адрес подруги. Решили провести эту ночь вместе. Так что у нас только два варианта: или мы ночуем рядом или гуляем до утра.

– Меня устраивают оба, но дождь совсем некстати. Вашу руку, леди!

– А почему ты решил учиться на врача? – вытирая волосы полотенцем, спросила Соня.

– Понимаешь, мой отец умер, когда мне было пять. Рак и..

– Прости, и не продолжай.

– Ты чудо! Дин притянул к себе Соню за пояс халата. Глубоко вздохнул. – Я мечтал о тебе эти три года. Столько раз представлял.

– Молчи, прошу. Я искала тебя всю жизнь. Ждала этой встречи, пока ты был где-то там...

Каждый день на ратуше стали появляться новые листки с именами...

– Папочка, да что ж это творится? Какое колдовство? Они сошли с ума? И почему вообще, это противный Джокслок здесь командует? Стражников приташил. Весь город умирает от страха, а после двенадцати ночи нельзя и носа показать на улицу. Когда это прекратится уже?

– Иди ко мне, воробушек!

Сибил обняла отца, а где-то вдалеке раздался, уже ставший привычным за последний месяц, звон колокола. – Идём, папочка. Послушаем, что Джокслок придумал на сей раз.

Абсолютная тишина при огромном столпотворении и скрипящий голос начальника стражи, оповещающий о проделанной работе. Ещё две новые казни на завтра. Молчаливый вид инквизиторов и новый указ, как насмешка. Мол, знакомьтесь люди ещё парочка свежих изуверов присланных в помощь.

– Новоиспеченные святоши! – выкрикнула Сибил. Покажитесь людям, помощники дьявола!

– Неис, утихомирь свою дочь! – рявкнул Джокслок или...

– Или что? Сожжёшь меня на костре без суда и следствия?

Начальник стражи сверкнул глазами, сделал жест, и из-за кольца стражников вперёд выдвинулось две фигуры. Долговязая ехидно улыбнулась Сибил, которая уж было, решилась съязвить в ответ, но переведя взгляд на вторую, застыла в ужасе. Казалось, в таком же ужасе на неё с противоположной стороны смотрела пара медовых глаз. Я столько раз представляла нашу встречу, пока ты был где-то там... но точно не так.

Задержись, Нейс! – скомандовал Джокслок. И вели своей дочери подождать, у нас будет серьезный разговор.

Девушка искала глазами Дорана, но он, как и все скрылся за дверьми.

– Сибил! – послышался голос отца. Достопочтенный Джокслок сделал нам предложение, от которого мы не сможем отказаться. И отец помрачнел.

– Я прощаю тебя, неразумное дитя! Благодарю отца, ведь он знатный торговец, и сегодня заключил самую выгодную сделку в своей жизни. Мое прощение – за твою руку и сердце.

– Папочка, нет!

Отец молчал.

– Знаете что, сэр! Катитесь вы в преисподнюю вместе

со своими приспешниками.

– Ты отказываешь мне? Мне! Ну что ж, будь по-твоему!
Джокслок расхохотался. Не прощаюсь!

– Сибил, проснись! Беги через задний двор, я их задержу.
Спасайся!

– Что случилось? Что за шум?

– Стражники. Он сделал это, вписал твоё имя... Лети, воробушек!

Узкая улица. Туман. Ни души. Крик матери, и сердце сжалось от боли. Папочка!

Ещё крик и давящая ужасом тишина.

Куда теперь? Доран, где ты?

Одиннадцать.

Двенадцать!

Ещё шаг.

Площадь.

Стрелки часов сравнялись и замерли на секунду. Сердце уловило последний удар и тоже замерло.

Секунда равная вечности.

На противоположной стороне появилась темная фигура. Она двигалась не спеша, словно пробуя на вкус эту вечность. Туман рассеивался, и очертания становились более четкими.

Мужчина в чёрном плаще и капюшоне. Лицо скрыто, только глаза. Глаза, горящие огнём. Джокслок!

– Взять!

Шаг назад, ещё один. Руки на шее. Голова кружится... Я знаю эти руки. И глаза... Как ты мог?

– Pater noster, qui es in caelis,

sanctificetur nomen tuum;

adveniat regnum tuum;

fiat voluntas tua, sicut in caelo et in terra.

Panem nostrum cotidianum da nobis hodie;

et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris;

et ne nos inducas in tentationem; sed libera nos a malo.

Quia tuum est regnum, et potestas, et gloria in saecula. Amen

Соне не хватало воздуха.

– Дин, очнись! Дин! Она трясла его и плакала, а он перебирал губами и в давящей тишине слышалось только:

Pater noster, qui es in caelis,

sanctificetur nomen tuum;

adveniat regnum tuum...

Доран стоял перед Джокслоком.

– Почему вы не сказали, на кого «охота»?

– Ты поступаешь, как должен! Я не обязан перед тобой отчитываться. Иди и выполняй свою работу.

– Я знаю её, ей не в чем сознаваться! Нет ни единого до-
несения. Возможно...

– Не возможно! Когда Святую Инквизицию волновали формальности? Ты видел её глаза! Видел родимое пятно! Не занимай мое время. Вердикт вынесен. Виселица! И одной ведьмой меньше.

Толпа молчала. Джокслок дочитал приговор и довольный устался на Сибил.

Никто не смеет ему отказывать!

– Папочка, я увижу звезды? – Лети, воробушек! Сибил посмотрела в небо и улыбнулась. Как и раньше по нему проплывали причудливые фигурки. Она хотела смотреть на небо. Но видела только глаза. Глаза медового цвета...

– Спокойной ночи, Доран. Теперь у тебя всегда будет частичка меня!

Доран сжал свой единственный подарок в руке и прошептал: Ты всегда в моем сердце, любимая.

Дин открыл глаза.

– Соня! Но она не отозвалась.

Светало, испарение от дождя поднималось густым туманом, но Дина это мало волновало. Он просто шёл. Узкая улочка, ведущая к главной площади, извиваясь и петляя среди домов, таяла в серой дымке.

Ни души. Все как в том сне, который он увидел несколько лет назад. Как в том страшном и непонятном сне, который мучал его и не давал покоя. Там, где он шептал молитву во спасение, а слова с болью отдавали в сердце. В том сне, который продолжился этой ночью и он, наконец-то, вспомнил то, что никогда не хотел забывать... И он узнал её! Ту, которую любил больше жизни. Любил, но так и не сумел спасти...

Ещё шаг.

Площадь.

Два человека шли навстречу друг другу.

Часы на ратуше давно перестали работать и замерли на двенадцати.

Соня остановилась напротив Дина!

Платье, промокшее от дождя и слез заканчивалось там, где во всей красе зелено-фиолетовым цветом отливало огром-

ный синяк в форме трилистника.

– Прости меня, Сиб!

– Я не виню тебя, Доран!

Он обнял её также неуклюже, как впрочем, делал всегда.
Она чмокнула его в щеку и засмеялась.

– Ты больше никогда не исчезнешь из моей жизни...

– Не для того я тебя столько лет искала...

Сон в начале тумана

– Хоть какая-то смена обстановки, подумала я, после предложения подруги съездить на выходные в деревню.

Лена с мужем совсем недавно приобрели там дом и теперь всячески его обустроивали. Всего час езды от города и мы оказались в цветущем лоне природы, окутанном тишиной.

Груз неразрешенных проблем и переживаний скатился с плеч под мирное потрескивание дров в костре и далекое кваканье лягушек.

– Знаешь? Местные говорят, что здесь есть проклятый дом. В нем уже давно никто не живет, и заходить туда они побаиваются. Якобы зайдёшь, увидишь и готов! Крыша уехала...

– А, что увидишь то?

Лена пожала плечами: – Не верю я в это все. Обычные деревенские байки.

– Давай сходим!?! Раз не веришь, так и бояться нечего.

– Что, сейчас? Посмотри, какой туман поднимается. Жутковато, честно говоря.

– Да ладно, прорвёмся! Включай фонарик...

До дома добрались достаточно быстро. Почти всю дорогу нас сопровождал рыжий пёс, дружелюбно вертящий хвостом

и путающийся под ногами. Отстал он только за пару метров от дома и застыл на месте.

– Вот видишь! – начала, было, Лена. И он туда же. Это точно знак и нечего нам тут делать.

– Лен, в своём желании родить ребёнка я и так достигла сумасшествия. Поверь, стать более ненормальной мне уже не страшно. Идём?

– Иди одна.

Захожу.

Дом как дом, только ужасно старый. Полы скрипят. Пыль, как снежинки, клубится в густом тумане. Разбитые стекла, доски. В углу под бревенчатым потолком висит люлька.

– И здесь мерещится своё. Господи, когда ж я успокоюсь!

– Мамочка...

Жуткий страх мурашками парализует движения. Становится тяжело дышать. Пытаюсь позвать подругу, но не могу. Детские ручки обнимают меня все крепче. Темноволосая девочка лет десяти – одиннадцати.

Единственное, что получается, это закрыть свои глаза и погладить её по голове.

– Я ждала тебя, мамочка...

Открываю глаза. Ни девочки, ни люльки...

– Наконец-то! Я звала тебя, а ты не отзывалась, – с волнением встретила меня подруга. Что там?

– Помнишь, мою замершую беременность в 2002? Есть мир, где мой ребёнок родился и там мы вместе...

– И эта готова! – Лена достала телефон. Саш, вызывай скорую...

Какая скорая, Лен? Ты о чем? Это по-прежнему я, и ничего не изменилось!

– Тогда скажи, что мы делали 15 августа 99? – выпалила она.

– Ты про труп того мужика?

Подруга икнула и округлила глаза.

– Да, шучу я. Гуляли на твоей свадьбе. И кто-то кричал на весь зал, что...

– Ой, не продолжай! – Ленка расслабилась и положила мне руку на плечо. Пошли домой, горе мое! Там Сашка, наверное, с ума сходит. И очень хочется спать.

Не смотря на все пережитое за день, уснула я практически сразу. Просто закрыла глаза, и все. А открыла, когда сквозь окна веранды мой нос стал щекотать навязчивый солнечный луч. Я вышла во двор и радостно потянулась. Кто-то кашлянул.

– Здорова, красавица! Ты что ль с фонарем по дому Петьки агронома шастала давича?

– Здравствуйте, дедушка. Я. А вы знаете, чей это дом? Может, расскажете, а то столько слухов ходит?

– А, чаво не рассказать, расскажу. Да ты станешь слушать то, история темная?

Я затрясла головой и уселась на порожек.

– В 1951 году прислали к нам в деревню агронома. Это сейчас из города бегут, а тогда и к нам молодые специалисты приезжали. Деревня то горелая наша. Только – только после войны мы её восстановили. Сладили ему хатку. Вот он в него и въехал с семьей: Женой Полиной, на сносях уж почти баба была, да двумя ребятишками маленькими: Олькой, да Колькой. И месяца не прожили. Как наши бабы шушукаться начали, что странная Полина очень. А тут, как на зло, вызвали Петра в город. Вот он меня и попросил по – соседки захаживать, да помогать, если что.

Утром ребяташки на двор выбежали. Я воды из колодца натаскал. Захожу в хату, а Полина на лавке возле печки сидит в одной рубашке. Волосы растрепанные. Смотрит в одну точку. И будто шепчет что-то.

– Хозяйка, – говорю: Может еще, чем подсобить?

А она только глаза повернула, исподлобья смотрит зло. И говорит: 3,6,7,8. Распустила девка косы, – да как засмеётся. Что, Иван, холодно тебе? Вот и мне холодно.

Смотрю, а у неё руки синие и губы синеть стали. Выбежал я за дровами. Вернулся. А она и одета, и причёсана. Улыбается. Баба, как баба. Сложил я дрова на грубку и деру. К вечеру и думать почти забыл. Но слышу уж очень пёс воет соседский. Был у них такой рыжий. Добрый, и гавкнуть лишней раз не гавкал. А тут воет. Вроде плач детский послышался. Подхожу ко двору, тишина. Ветер только поднялся, ставни колышет со скрипом, да туман сильный. Шаг в сторону сделал. Опять кто-то плачет. И как будто дверь приоткрылась. Я к двери, а открыть не могу. Всю силу приложил. Никак. А плач из дома детский все сильнее. Пока по темноте за мужиками сбегал, пока добудился. Вернулись, а дверь открыта. И пёс около сидит, как вкопанный.

Вошли в хату и дар речи потеряли.

Полина на лавке со вспоротым животом. Кровища кругом. И подпол приоткрыт. А там... Дети убиенные: Олька с Колькой, да младенец.

Это уж мы потом от стариков узнали, что давно, до войны

ещё, была на этом месте усадьба. И жила в ней барыня душегубка. У провинившихся девок детей отбирала и подпол сажала, пока те плакать не переставали. Совсем.

Вот её люди и наказали, так же усадили раздетую. Там она умом совсем и тронулась. И все говорят, кричала: 3,6,7,8 Распустила девка косы. 5,4,18 в колыбели не дожидаться... Пока насмерть не замёрзла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.